

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ

© Вячеслав Владимирович ЧИЖИКОВ

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра теории государства
и права, e-mail: argudana@gmail.com

Рассмотрено развитие научного понимания юридической практики в отечественной правовой науке. Проанализированы работы правоведов дореволюционного, советского и постсоветского периодов, посвященные проблемам юридической практики; представлены различные взгляды на понятие, содержание и функции юридической практики. Показано поэтапное обновление научных представлений о юридической практике. Отражено развитие дефиниции юридической практики, концептуальных понятий, представлений о содержании, формах, типах, структуре юридической практики.

Подчеркивается отсутствие комплексных работ по проблемам юридической практики в постсоветский период; указано на необходимость обновления методологического инструментария правовой науки в связи с парадигмальными сдвигами в современном социогуманитарном знании. С учетом современных концепций правопонимания делается вывод о необходимости познания сущности права через его динамику, включающую в себя практическое взаимодействие субъектов права.

Сделаны выводы о необходимости новых комплексных разработок понятия юридической практики с учетом последних достижений современной науки.

Ключевые слова: юридическая практика; судебная практика; юридическая деятельность; правообразование; правоприменение; правовая наука.

В профессиональном лексиконе юристов термин «практика» традиционно означает правоприменительную деятельность. Как правило, тот же смысл вкладывается в это понятие и в современном научном обиходе, и в официальных документах органов власти. Чаще всего юристам приходится иметь дело с судебной практикой, которая понимается как некая совокупность судебных решений, объединенных по определенному критерию: судебная практика по уголовным делам, по гражданским делам, по налоговым спорам и т. д. Практикой принято называть деятельность и других участников правоприменения, например, широко распространены понятия административной практики, следственной практики, адвокатской практики. Все перечисленные разновидности практики имеют юридическое содержание, поэтому их можно считать элементами общего понятия юридической практики.

В правовой науке всегда находится место для рассмотрения проблем юридической практики, правда, в большинстве своем как прошлые, так и современные исследования обращены либо к отдельным видам юридической практики, либо к некоторым ее аспектам – правоприменению, толкованию, конкретизации норм, реализации права и т. д. Комплексных теоретических работ, посвященных юридической практике как целост-

ному феномену, существует сравнительно немного, и их появление, в основном, относится к советскому периоду. Тем не менее, тот факт, что многие выдающиеся представители отечественной правовой науки в своих работах нередко затрагивали определенные стороны юридической практики, вполне дает нам право говорить сегодня о существовании достаточно обширного научного наследия по данной проблематике.

Первоначальный научный интерес российских правоведов к феномену юридической практики относился к сфере судебного правоприменения и был обязан своим возникновением судебной реформе 1864 г. Закон, принятый в результате реформы (ст. 9 Устава гражданского судопроизводства, ст. 12-13 Устава уголовного судопроизводства), возложил на судей обязанность выносить решение по делу в любом случае, даже если в законе отсутствует соответствующая норма. «Беспреданно возникающие спорные правовые вопросы, сплошь да рядом не могут ждать решения их законодателем, – замечал по этому поводу Е.Н. Трубецкой, – раньше, чем он приступит к их решению, они в отдельных случаях, казусах разрешаются, помимо его участия, практикой» [1, с. 77].

Именно в этот период среди правоведов впервые начинаются дискуссии о роли и месте судебной практики в ряду источников

права. Целью этих дискуссий была необходимость установить, создает ли суд своими решениями фактическое новое право (нормы-прецеденты) либо ограничивается разъяснением и толкованием существующих норм. Несмотря на принципиальные расхождения, большинство ученых, пожалуй, соглашалось с тем, что судебная практика является особым феноменом, благодаря которому норма права способна претерпевать изменения, подвергаться значительной, в том числе и смысловой, трансформации. «Смотря по тому, в какое именно логическое соотношение поставлены будут отдельные законодательные постановления, их значение, смысл, объем может быть существенно изменен. Что при одной концепции общей системы законодательных постановлений может явиться общим правилом, при другой может быть низведено на степень строго ограниченного исключения», – писал Н.М. Коркунов [2, с. 383]. Подобным же образом высказывался и Е.Н. Трубецкой: «Суд должен искать логического единства законодательства, как целого и на основании этого разрешать казусы, встречающиеся в его практике» [3, с. 365].

С.А. Муромцев был уверен в том, что судебной практике присущ правотворческий характер, поскольку суд не только применяет, но и видоизменяет закон. «В здоровой государственной жизни, – писал ученый, – суд творит так же, как и законодатель, только при помощи иных приемов; суд озабочен применением закона, который сохраняет свои корни в юридической совести общества, но он столько же озабочен видоизменением закона, когда этот последний перестает уже казаться справедливым. Судья – законодатель, тем более деятельный, чем менее деятельным оказывается сам законодатель, судья – проводник в жизни тех начал, которые сознание общества в противоположность действующему закону объявляет справедливыми и естественными» [4, с. 11]. О принципе справедливости упоминает и Б.Н. Чичерин: «Судья не может вообще объявлять недействительным тот или другой закон или постановление, но он может не прилагать его к данному случаю, признав его незаконность» [5, с. 322].

Ю.С. Гамбаров полагал, что следует говорить о существовании «права юристов», которое «слагается из теории и практики, т. е. теоретической разработки действующего права и судебных решений, взятых в отдельности

или в совокупности однородных решений того или другого суда или той или другой категории судов» [6, с. 439]. «Судебная деятельность, – утверждал ученый, – помогает закону осуществлять и продолжать только начатое им дело поддержания правового порядка, и лишь непрерывному отправлению этой деятельности мы обязаны тем, что в пределах возможного правовой порядок становится тем, чем он должен быть» [6, с. 443].

Разработанная Л.И. Петражицким концепция «нормативного факта» признает таковым любое явление, которое формирует у людей представление о наличии у них взаимных прав и обязанностей: «Несомненный факт, – пишет Л.И. Петражицкий, – что судебная практика иногда получает в психике людей значение нормативного факта, т. е. появляются правовые переживания, приписываются правовые обязанности и права со ссылкой на то, что такова судебная практика, что так прежде «всегда» решались подлежащие вопросы судами или определенным, например, высшим судом» [7, с. 453].

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «судебная практика есть правило, созданное судом при постановлении им решений по отдельным случаям», однако «обязательная сила судебной практики не в ней самой, а в велеии государственной власти. По воле законодателя судебные решения могут быть возведены в формы права и также низведены из этого ранга» [8, с. 468-470].

Будучи сторонниками различных подходов к пониманию права, ученые-юристы того времени, разумеется, не могли прийти к единому мнению относительно процесса правообразования и, следовательно, к единой оценке значения судебной практики. Однако их выводы сходились в том, что судебная практика обладает способностью, если не прямо, то во всяком случае косвенно воздействовать на процесс формирования и изменения права. Дискуссионный характер вопроса заставил ученых обстоятельно подойти к исследованию феномена судебной практики, что позволило выдвинуть целый ряд гипотез, подготовивших значительный базис для дальнейших исследований данной проблемы. Так, представленные выше точки зрения позволяют сформулировать положения о том, что судебная практика 1) в состоянии разрешать юридические казусы в отсутствие норм, подлежащих применению; 2) путем логических построений способна

изменять смысл, значение и объем правовых норм; 3) в случае необходимости может отдавать предпочтение принципу справедливости перед принципом законности; 4) способна оказывать влияние на формирование правосознания.

После установления советской власти в России происходил тотальный слом прежней административной и судебной системы, и лишь с принятием в 1922 г. «Положения о судеустройстве РСФСР», заложившего основы советской судебной системы, стало возможным говорить о начале формирования новой судебной практики. Тогда же начал выходить журнал «Еженедельник Советской Юстиции», а с 1928 г. – приложение к журналу под названием «Судебная практика РСФСР».

Конституцией СССР 1924 г. суду было предоставлено право официального толкования закона. В этот период появляются первые теоретические работы, где внимание уделяется и проблемам судебной практики. Так, П.И. Стучка, не отвергая определение дореволюционных правоведов, понимает судебную практику как ряд «однородных по однородным же вопросам судебных решений, свидетельствующих о всеобщем, однородном и долговременном применении известных положений права той или другой категории судов» [9, с. 176]. П.И. Стучкой был сделан вывод о правотворческом значении разъяснений Верховного суда РСФСР: «Конечно, разъяснения Верховного суда не являются законодательными актами, но они безусловно имеют значение правотворческое, как в меньшей степени и решения других судов в силу самого закона» [9, с. 177]. Вместе с тем П.И. Стучка отмечает, что «эти решения должны служить лишь примерами работы и материалом для самостоятельной судебной мысли» [9, с. 178].

К данному периоду относится и творчество Я.М. Магазинера, который в 1925 г. в своей работе «Общая теория права на основе советского законодательства» (опубликованной лишь в 2006 г.) обстоятельно рассмотрел некоторые аспекты юридической практики, названной им «практикой государственных учреждений». Ученый выделяет три вида такой практики: обычная практика – практика, управляющая действиями органов власти, которая имеет силу создавать новое право, восполняющее нормы старого, и характеризующаяся многократностью применения;

прецедент – однократный поведенческий акт органа власти, служащий примером для последующего поведения власти; соглашение властей – двусторонний договор органов власти, с учетом целесообразности устанавливающий норму, которая прямо противоречит закону [10, с. 83-99].

Кроме того, рассматриваемый период был отмечен тенденцией к отрицанию научных методов, применяемых прежней правовой наукой. Так, в работе «Учение о государстве и праве» (1932), подготовленной авторским коллективом под руководством Е.Б. Пашуканиса, правоприменителям предлагается отвергнуть принципы логики как буржуазные и «теоретически бесплодные», и учитывать конкретные особенности данного дела, «классовое существо отношений», к которым применяется норма, а также «общее направление политики советской власти в данный момент» [11, с. 32-33]. Принцип единообразия судебной практики фактически был поставлен в прямую зависимость от текущей политической идеологии. «Важно не только то, что «гласит» норма, – полагают авторы указанного издания, – важно какой класс, какое государство, какой госаппарат эту норму применяет» [11, с. 36]. В период 1930–1940-х гг. значение судебной практики было фактически обесценено, в чем не последнюю роль сыграл и заимствованный А.Я. Вышинским позитивистский подход к пониманию права. «Судебная практика не может быть источником права, – констатировал А.Я. Вышинский. – Она должна быть и является в действительности деятельностью, целиком и полностью строящейся в соответствии с принципами позитивного права, с его особенностями» [12, с. 7].

В послевоенный период в научных кругах вновь возникла дискуссия о месте судебной практики в ряду источников права. В 1958 г. в редакционной статье «Юридическая наука и судебная практика» журнала «Правоведение» прежние позитивистские воззрения подверглись критике. В частности, было отмечено, что причиной принижения роли судебной практики является смешение понятий судебной практики с понятием судебного прецедента. По мнению авторов, судебная практика сама по себе не создает новых норм, но служит эмпирической базой для дальнейшего совершенствования законодательства. «Судебная практика, – говорится в статье, – подтверждает на опыте жизнен-

ность и целесообразность тех или иных правовых норм и создает базу для дальнейшего развития и совершенствования законодательства в соответствии с потребностями социалистического общества. Практика советских судов иногда даже предвосхищает назревшие изменения в законодательстве. Судебная, арбитражная, прокурорская, административная практика дает богатый материал для изучения опыта применения советских законов и вместе с другими формами обобщения опыта коммунистического строительства вносит свой вклад в подготовку материалов для законодательной деятельности» [13].

В данной работе были обозначены принципиально новые подходы к научному пониманию судебной практики. В частности, предлагалось осмысление практики с позиций марксистско-ленинской философии, где практика понималась как основа познания и критерия истины, а также заострялось внимание на взаимозависимости теории и практики. «Новая практика вступает иногда в противоречие с принятыми теоретическими взглядами, вызывает необходимость пересмотра теории в соответствии с практикой. Ученые должны прислушиваться к голосу практики. С другой стороны, и теория должна служить практике, освещать ей путь, исправлять ее недостатки, показывать не только сильные, но и слабые ее стороны». Также необходимо отметить, что помимо судебной, в статье акцентировано внимание и на других видах юридической практики – арбитражной, прокурорской и административной [13].

В этот же период в научной литературе появляется концептуальное понятие «правовых положений», которые, по мнению авторов, не являются в своей сути судебной практикой и относятся к категории подзаконных актов. Таковыми следует считать руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР [14, с. 21]. В научный оборот вводится понятие конкретизации правовых норм – формулирование более конкретных детальных норм, являющихся логическим выводом из более общих норм [15, с. 109-110]. Также данный период отмечен появлением ряда диссертационных исследований, посвященных данной проблематике, в частности, «Роль судебной практики в развитии советского права» А.Б. Венгерова, «Юридическая практика и развитие законодательства» В.П. Реутова [16; 17].

В 1975 г. из печати выходит монография «Судебная практика в советской правовой системе» – первое в советской науке комплексное и обобщающее исследование проблем судебной практики. В работе был подведен итог всех предшествующих изысканий, что позволило С.Н. Братусю и А.Б. Венгеру свести воедино конститутивные признаки судебной практики и сформулировать расширенную дефиницию ее научного понимания. Судебная практика представлена авторами как единство судебной деятельности по применению правовых норм (связанной с выработкой правовых положений на основе раскрытия смысла и содержания применяемых норм, их конкретизации и детализации) и специфического результата, итога этой деятельности (самих правовых положений). Авторы отмечают, что данное определение позволяет отразить как статику, так и динамику данного феномена [18, с. 16-17].

Определенное развитие сделанные выводы получили в работах С.С. Алексеева, различавшего практику как конкретную организаторскую деятельность в области права («сфера фактической жизни права, основа научного познания, придающая ему и смысл, и ценность») и практику как итог, результат этой деятельности («один из специфических правовых феноменов, включающийся в правовое регулирование») [19, с. 341]. С.С. Алексеев использует вместо «судебной практики» более широкое понятие – «юридическая практика», – и обращает внимание на другие ее разновидности: административную, арбитражную, нотариальную, следственную, прокурорскую, называя юридическую практику «специфической разновидностью правовой реальности» [19, с. 341-342].

Следует заметить, что в философской литературе периода 1960–1970-х гг. появилось определенное число работ, посвященных марксистскому пониманию практики, однако юридическая наука не торопилась рефлексировать по этому поводу и брать на вооружение выводы советских философов. Лишь в 1987 г. вышла монография В.И. Леушина, посвященная комплексному рассмотрению юридической практики, где социально-философский подход к ее пониманию был реализован в значительном объеме [20]. В.И. Леушин воспользовался актуальным инструментарием философской методологии и рассмотрел данный феномен в качестве элемента социальной практики, отразив в

работе понятие, содержание, структуру юридической практики, а также ее гносеологические свойства. В.И. Леушин поясняет, что сделанный им выбор понятия юридической практики не случаен: «Категория юридической практики, – пишет ученый, – позволит захватить для анализа более глубокий, сущностный пласт правовой действительности. Задача состоит в том, чтобы эту категорию разработать, показать ее методологическое значение, ее эвристическую ценность» [20, с. 21].

Весомый вклад в развитие теоретического знания о юридической практике внес В.Н. Карташов в работе «Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность» (1989) [21]. В исследовании были рассмотрены формы этой деятельности, детерминирующие факторы, предложена ее типология и классификация функций. Несмотря на то, что предметом рассмотрения в данной работе была лишь динамическая сторона юридической практики, научная составляющая категории юридической практики была существенно дополнена.

В целом, правовая наука советского периода фактически создала весь теоретический базис научного понимания практического аспекта правовой реальности, который продолжает оставаться актуальным и сегодня. Не в последнюю очередь на это повлияла осуществленная в 1950–1970-х гг. окончательная систематизация трудов К. Маркса, который придавал категории практики огромное значение. Марксистское понимание практики получило свое развитие в трудах советских философов и обществоведов, что затем нашло отражение и в правовой науке, взявшей за основу теоретические достижения марксистско-ленинской философии. В этот период было дано научное определение юридической практики, определены ее функции, формы и типы, рассмотрена ее структура, введены в научный оборот понятия правоположений и конкретизации, выявлены закономерности юридической практики и отмечена общая взаимозависимость теоретического и практического в праве.

Исследования отдельных сторон юридической практики продолжают и сейчас. По-прежнему актуальным является плюрализм подходов в понимании судебной практики как источника права, большое число работ посвящено проблеме судебного прецедента, правоприменению и другим практическим аспектам права. Определенную разработку

проблем целостного понимания юридической практики продолжают В.Н. Карташов, В.П. Реутов, некоторые другие ученые, однако комплексных исследований юридической практики с использованием современного методологического инструментария в постсоветской науке пока не появлялось [22; 23].

Между тем, современные тенденции в правовой науке таковы, что на переднем плане познания вместо догмы права вновь находятся практические аспекты правовой действительности. Благодаря общим парадигмальным сдвигам в гуманитарном знании, повлекшим взаимное сближение теории, философии и социологии права, а также расширению методологического аппарата, правоведы все больше склоняются к тому, что познание права как догмы не в состоянии раскрыть его сущность. «Право, познаваемое таким способом, становится «вещью в себе», приблизиться к открытию которой не представляется возможным», – отмечают А.В. Малько и В.В. Трофимов [24, с. 5]. Почти сто лет назад Н.Н. Алексеев писал, что «нет ничего ошибочнее изучения права, как философской системы, только со стороны его духовного содержания, его логического построения и единства. Пусть с этой точки зрения оно будет и образцовым произведением, но этим еще не решается вопрос о его истинном достоинстве; последнее лежит в его функциях, т. е. в его практической пригодности» [25, с. 24].

Современные концепции правопонимания предполагают, что бытие права коренится в практической деятельности людей. «Суть практического «поворота» применительно к юриспруденции, – пишет И.Л. Честнов, – состоит в том, что право существует только в том случае, если оно (его знаковое выражение) действует, т. е. претворяется в практиках людей – носителей правовых статусов. Действие (а значит – и бытие) права – это поведение и ментальные (психические) активности людей, взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга как идеальное (психическое) значение и персональный смысл дополняет практическое действие и его результат, а не вступление в силу нормативного правового акта» [26, с. 640].

Изложенное представляется достаточным стимулом для актуализации исследований юридической практики как целостного феномена. Это открыло бы возможность познания сущности права через его динамику,

которую явным образом можно наблюдать во взаимодействии субъектов права. Но сегодня в основе теоретических работ, как правило, находится все тот же методологический багаж, доставшийся в наследство от советской правовой науки. Между тем, современное развитие социогуманитарного знания позволяет исследователю, не умаляя прежних достижений науки, сделать серьезный шаг вперед в теоретическом освоении правовой реальности. Значительный методологический потенциал для познания феномена юридической практики кроется в научном наследии таких ученых, как Н. Луман, Ю. Хабермас, П. Бурдьё, А. Шюц и мн. др. В свете современных концептуальных направлений юридическая практика предстает как мультиагентная коммуникативная система, в которой действия и события объединены сложным комплексом каузально-детерминационных связей, поэтому сведение методологических подходов к минимуму здесь вряд ли оправданно. Прогресс правовой науки возможен только при конвергенции разных подходов, создании новых исследовательских технологий путем синтеза существующих концепций. Практическую сторону правовой реальности сегодня можно воспринимать как отправную точку в познании правовых явлений и процессов, что, безусловно, представляется достаточным основанием для возобновления комплексных исследований юридической практики.

1. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 2010.
3. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001.
4. Муромцев С.А. Право и справедливость / Сборник правоведения и общественных знаний. Спб., 1893. Т. 2.
5. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894.
6. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 1897–1898.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910.
9. Стучка П.И. Введение в теорию гражданского права. М., 1928.
10. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006.

11. Учение о государстве и праве / под ред. Е.Б. Пашуканиса. Л., 1932.
12. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.
13. Юридическая наука и судебная практика // Правоведение. 1958. № 2. С. 3-8.
14. Вильнянский С.И. Правовые и иные социальные нормы в период развернутого строительства коммунизма // Правоведение. 1962. № 4. С. 14-27.
15. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1965. Вып. 3.
16. Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1966.
17. Реутов В.П. Юридическая деятельность индивидов и развитие права // 4 пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы Международной научно-практической конференции. Пермь, 2013. С. 36-38.
18. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975.
19. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
20. Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987.
21. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.
22. Карташов В.Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1. С. 13-23.
23. Реутов В.П. Юридическая практика и развитие законодательства: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1968.
24. Малько А.В., Трофимов В.В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» // Государство и право. 2010. № 7. С. 5-13.
25. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Симферополь, 1919.
26. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

-
1. Trubetskoy E.N. Entsiklopediya prava. SPb., 1998.
 2. Korkunov N.M. Lektzii po obshchey teorii prava. M., 2010.
 3. Trubetskoy E.N. Trudy po filosofii prava. SPb., 2001.
 4. Muromtsev S.A. Pravo i spravedlivost' / Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy. Spb., 1893. T. 2.
 5. Chicherin B.N. Kurs gosudarstvennoy nauki. Ch. 1. Obshchee gosudarstvennoe pravo. M., 1894.

6. *Gambarov Yu.S.* Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. M., 1897–1898.
7. *Petrzhitskiy L.I.* Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti. SPb., 2000.
8. *Shershenevich G.F.* Obshchaya teoriya prava. M., 1910.
9. *Stuchka P.I.* Vvedenie v teoriyu grazhdanskogo prava. M., 1928.
10. *Magaziner Ya.M.* Izbrannye trudy po obshchey teorii prava. SPb., 2006.
11. Uchenie o gosudarstve i prave / pod red. E.B. Pashukanisa. L., 1932.
12. *Vyshinskiy A.Ya.* Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave. M., 1941.
13. Yuridicheskaya nauka i sudebnaya praktika // Pravovedenie. 1958. № 2. S. 3-8.
14. *Vil'nyanskiy S.I.* Pravovye i inye sotsial'nye normy v period razvernutoy stroitel'stva kommunizma // Pravovedenie. 1962. № 4. S. 14-27.
15. *Alekseev S.S.* Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava. Sverdlovsk, 1965. Vyp. 3.
16. *Vengerov A.B.* Rol' sudebnoy praktiki v razvitiy sovetskogo prava: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 1966.
17. *Reutov V.P.* Yuridicheskaya deyatel'nost' individov i razvitiye prava // 4 permskiy mezhdunarodnyy kongress uchenykh-yuristov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Perm', 2013. S. 36-38.
18. *Bratus' S.N., Vengerov A.B.* Ponyatie, sodержanie i formy sudebnoy praktiki // Sudebnaya praktika v sovetskoy pravovoy sisteme. M., 1975.
19. *Alekseev S.S.* Obshchaya teoriya prava: v 2 t. M., 1981. T. 1.
20. *Leushin V.I.* Yuridicheskaya praktika v sisteme sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy. Krasnoyarsk, 1987.
21. *Kartashov V.N.* Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, tsennost'. Saratov, 1989.
22. *Kartashov V.N.* Yuridicheskaya praktika kak ob'ekt (predmet) pravovoy nauki // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2010. № 1. S. 13-23.
23. *Reutov V.P.* Yuridicheskaya praktika i razvitiye zakonodatel'stva: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. Sverdlovsk, 1968.
24. *Mal'ko A.V., Trofimov V.V.* Teoretiko-metodologicheskoe znachenie kontseptsii "pravovoy zhizni" // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 7. S. 5-13.
25. *Alekseev N.N.* Obshchee uchenie o prave. Simferopol', 1919.
26. *Chestnov I.L.* Postklassicheskaya teoriya prava. SPb., 2012.

Поступила в редакцию 3.06.2014 г.

UDC 340.1

RESEARCH OF PROBLEMS OF LEGAL PRACTICE IN LEGAL SCIENCE

Vyacheslav Vladimirovich CHIZHIKOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Theory of State and Law Department, e-mail: argudana@gmail.com

The article deals with consideration of development of scientific understanding of legal practice in the Russian legal science. Works of jurists of the Pre-Soviet, Soviet and Post-Soviet period, devoted to problems of legal practice are analyzed. Different views on concept, the contents and functions of legal practice are presented. Stage-by-stage updating of scientific ideas of legal practice is shown. Development of a definition, concepts, ideas of contents, forms, types, structure of legal practice is reflected.

Lack of complex works on problems of legal practice during the Post-Soviet period is emphasized; it is indicated the need of updating of methodological tools of legal science in connection with paradigmatic shifts in modern socio-humanistic knowledge. Taking into account modern concepts of the law understanding the conclusion about need of knowledge of essence of the law through its dynamics including practical interaction of legal entities is drawn.

Conclusions are drawn on need of new complex development of concept of legal practice taking into account the last achievements of modern science.

Key words: legal practice; jurisprudence; legal activity; law making; law application; legal science.